

Эволюционная концепция А.А. Любищева (Опыт реконструкции)

И.А. Игнатъев

Геологический институт РАН, 119017 Москва, Пыжевский пер., 7
ignatievia@ginras.ru

А.А. Любищев-эволюционист в представлениях не нуждается.

«Я защищаю независимость систематики от филогении, провожу антидарвинистическую, преимущественно номогенетическую линию, ведущую начало от Л.С. Берга и даже ранее», – говорил он [Александр..., 2001, с. 174].

Именно А.А. Любищеву мы обязаны выявлением и глубоким анализом постулатов современного селектогенеза и механистической генетики, классификацией эволюционных концепций и формулировкой главных антиномий современного эволюционизма.

А.А. Любищев был одним из первых *открытых* сторонников номогенеза Л.С. Берга, доказывавшим, однако, что номогенез нельзя совместить ни с механицизмом, ни с материализмом.

Несмотря на это, думается, не будет преувеличением сказать, что в своих работах А.А. Любищев фактически третировал не только историзм, что отмечал в свое время С.В. Мейен, но *отчасти и эволюционизм*. Характерно, что, будучи плодовитым писателем, А.А. Любищев так и не дал систематического изложения своих эволюционных взглядов. Не проявлял он особого интереса и к *реальной эволюции*, запечатленной в геологической летописи Земли.

Почему?

Думается, отношение А.А. Любищева к эволюционизму не случайно и проистекало из трех источников: перипетий развития биологии начала XX столетия, особенностей ума и характера А.А. Любищева и, наконец, не в последнюю очередь – его философских взглядов.

Прирожденный мыслитель, борец за истину и диалектик сократовского образца А.А. Любищев не мог оставить без ответа такой громкий «вызов среды», как создание неodarвинизма и его борьба с ламаркизмом. Однако, в силу своих философских взглядов, А.А. Любищев полагал, что эта схватка идет «на поверхности явления». Это *борьба не за сущности, а за эпифеномены*, а тогда стоит ли она сломанных копий?

Каким же «философским богам» молился А.А. Любищев?

По его собственному признанию, начинал он как позитивист и материалист. Но затем, подобно некоторым авторам «Вех», совершил свой поворот «от марксизма к идеализму», придя к мирозозерцанию, близкому к *платонизму*.

Подобно великому Платону и его последователям, А.А. Любищев верил в реальность универсалий. «Универсалии – до вещи», с энтузиазмом цитировал он средневековых схоластов-реалистов, считая себя в этом отношении большим католиком, чем ученый иезуит П.Тейяр-де-Шарден.

По А.А. Любищеву, отдельные виды не независимы друг от друга, подобно атомам, а являются различными выражениями одной и той же потенции, частными случаями экспликации одной идеи¹. При этом «жизненные порывы» (бергсоновские *élan vital*) отдельных видов «могут замимствовать друг от друга творческие идеи»².

На вопрос, есть ли органическая форма результат процесса, необходимо предопределенного, или в какой-то мере творческого, то есть свободного от всякой необходимости, как фантазия художника, А.А. Любищев отвечал однозначно: эволюция – процесс творческий. Но при этом, соглашался с А.К. Толстым, что

Тщетно, художник, ты мнишь,
Что творений своих ты создатель...

Истинное творчество, – считал А.А. Любищев, – вовсе не в том, что оно абсолютно свободно, а в том, что оно свободно от материальной необходимости. Именно в этом смысле надо понимать творческую эволюцию А. Бергсона. Умение преодолевать материальную необходимость и подниматься в сферу необходимости идейной – это и есть истинное творчество, подлинная свобода [Проблемы..., 1983, с. 149].

¹ Из письма Б.Н. Шванвичу от 2.01.1925 г.

² Из недатированной заметки «О стиле организмов».

В этом онтологическом контексте главной проблемой биологии А.А. Любищев считал *проблему органического разнообразия*, но ее решение, по его убеждению, «лежит за пределами эволюционного подхода» [Любищев, 1997, с. 116].

Действительно, если за цветущим разнообразием жизни стоит сонмище трансцендентных идей, так ли важно знать, каким образом эти идеи исторически воплощались (эксплицировались) в несовершенных материальных формах?

Сам по себе исторический подход к разнообразию всегда будет дефектен из-за случайного несовершенства этих временных воплощений.

Более того: с платонистической точки зрения, данное в опыте разнообразие жизни представляет интерес в основном лишь постольку, поскольку дает возможность судить о своих прототипах, *прафеноменах*, о потусторонней (трансцендентной) идейной необходимости и *формальной причинности*, которые, вместе с идеями таксонов, представляют собой *подлинную реальность*.

Особую роль в этом познании биологических сущностей играют *математические* и иные закономерности, позволяющие восходить к *мыслимому разнообразию органических форм*. Они отражены в системе, законах формы и эволюции организмов.

Именно отсюда проистекал неизбывный интерес А.А. Любищева к конструктивной морфологии, систематике и номогенезу.

* * *

Сказанное не означает, однако, что эволюционная сторона научного творчества А.А. Любищева ограничивалась критикой историзма и развитием номотетического подхода. Его эволюционные взгляды если и не изложены систематически, то вполне доступны *рациональной реконструкции*.

Что же это были за взгляды, и как формировался их неповторимый ансамбль?

Еще на студенческой скамье А.А. Любищев приобщился к дарвинизму, но затем разочаровался в этом кумире прогрессивной русской интеллигенции.

Начались поиски истины.

Сильное впечатление на молодого А.А. Любищева произвели идеи о природе наследственных факторов, «динамически предсуществующей морфе» и эмбриональных полях, высказанные в начале XX столетия его другом и учителем А.Г. Гурвичем.

В этот ранний период творческих исканий А.А. Любищев пришел к нескольким важным выводам.

Прежде всего, несостоятельность естественного отбора показывает: *выбор* производится не

слепым действием внешних сил, а *нематериальной организованной морфой*. При этом такая морфа может быть индивидуальной или надиндивидуальной, например, консорций, симбионт, биоценоз, *genius loci*, геомерида.

Во-вторых, *факторами выбора* могут быть непространственные агенты, такие как *идеальная система*, трактованная немецким эволюционистом Карлом Камилло Шнейдером³ в платоновском смысле идеи.

На все эти факторы, как писал А.А. Любищев А.Г. Гурвичу, следует перенести Ноллевский *принцип морфэстезии*. «Как в Вашем нематериальном поле⁴ здесь нет детерминации, а только нормировка, так и видообразование тогда принимает упорядоченность, когда путем испытания и ошибок изменившийся организм “нащупывает” идеальную форму» [А.А. Любищев..., 1998, с. 115].

Отдельно стоял вопрос о приспособлениях. По А.А. Любищеву, необходимые приспособления находятся в основном потому, что *чисто геометрическая корреляция, пронизывающая все организмы*, облегчает последующее использование органов. Однако сами органы возникают первоначально не на утилитарной (приспособительной) основе, а в соответствии с *принципом использования*, который выдвинули Люсьен Кено, Бехер и некоторые другие исследователи.

* * *

С этих позиций воспринял А.А. Любищев еще один краеугольный камень своего *идеалистического эволюционизма* – концепцию номогенеза, или эволюции на основе закономерностей Л.С. Берга.

Эта *избирательная рецепция* происходила на фоне глубокого кризиса дарвинизма и его столкновений с менделевской генетикой. В подвижной идейной атмосфере первых послереволюционных лет Л.С. Берг нашел смелость нарушить «заговор молчания» вокруг критики учения Ч. Дарвина Н.Я. Данилевским, отверг дарвинизм как эволюцию на основе случая и протянул руку менделистам.

«Происхождение одних форм из других, – учил Л.С. Берг, – подчинено законам и идет в определенном направлении. Некоторые из этих

³ См. [Schneider, 1908, 1911].

⁴ Имеется в виду представление о «динамически преформированной морфе» А.Г. Гурвича, впоследствии замененное им на чисто материалистическую концепцию «биологического поля» [Гурвич, 1944]. «Динамически преформированная морфа» понималась как некая идеальная, геометрическая фигура (морфа), служащая ориентиром для развивающегося зародыша.

законов мы знаем, например, открытые Менделем правила комбинации наследственных единиц, химические взаимоотношения органов, вызываемые внутренней секрецией, последовательности и закономерности в развитии организмов, обнаруживаемые эмбриологией и палеонтологией. Но каким образом совокупность всех этих и многих других причин ведет к появлению тех или иных органических форм, это пока остается тайной. Какая причина заставляет организм изменяться в определенном направлении, пока скрыто от нас» [Берг, 1922, с. 48].

«Образование новых форм происходит путем закономерного развертывания скрытых (рецессивных) признаков, а не отбора случайных вариаций. Никаких случайных вариаций нет – все вариации предопределены и могут быть уложены в гомологические ряды Вавилова; отбор лишь распределяет организмы по земной поверхности, играя роль географического фактора» [Берг, 1928, с. 61].

Вдохновленный номогенезом Л.С. Берга, А.А. Любищев, в то же время, сразу размежевался с его механистической подоплекой.

Конечно, говорил он, органическая форма есть упорядоченное единство, но, вопреки Бергу, она есть нечто высшее, чем машина.

По А.А. Любищеву, органическая форма представляет самостоятельную сущность, связанную с особым видом причинности – причинностью *формальной*. Отсюда вытекает разделявшееся им представление о *примате формы над функцией*, а равно и небольшой интерес, проявлявшийся им к физиологии, экологии и этологии.

Не соглашаясь с концепцией «изначальной целесообразности» Л.С. Берга, А.А. Любищев утверждал, что органическая целесообразность первично *не утилитарна*, не связана с приспособлением и выживанием организмов. Утилитарность морфологических структур возникает *вторично*, в соответствии с упоминавшимся выше *принципом использования* Л. Кено.

Настаивал А.А. Любищев и на существовании сверхиндивидуальных нематериальных формообразующих агентов. Таких, как консорция, биоценоз, ландшафт, наконец, вся органическая жизнь Земли как единое целое (так называемая *геомериды*, по терминологии К.Д. Старынкевича)⁵. В противовес этому Л.С. Берг учил, что ландшафт лишь распределяет формы по лику Земли, но не создает эти формы.

⁵ Любищев А.А. Письмо Л.С. Бергу от 23.10.1923 г. Рукопись. 12 с. Копия хранится в научном архиве С.В. Мейена.

Номогенез, считал А.А. Любищев, следует понимать двояко: как утверждение о закономерности самого эволюционного процесса и как представление о *регулируемости* процесса эволюции, допускающей возможность предвидения всего мыслимого разнообразия форм. В обоих случаях речь идет о таком взгляде на эволюционный процесс, который «допускает его рационализацию в естественнонаучном, а не историческом смысле», иными словами, «утверждает, что морфология и систематика могут быть *номотетическими*, а не только *идиографическими дисциплинами*» [Любищев, 1928, с. 43].

* * *

Итог эволюционных размышлений молодого А.А. Любищева представлен в его письме А.Г. Гурвичу от 27 января 1924 года.

«Мое представление, – излагал свое *credo* А.А. Любищев, – совмещает, с одной стороны, преформацию, а с другой – отсутствие строгой нормированности эволюционного процесса. Иными словами, я принимаю номогенез в ограниченном смысле, хотя совсем отрицать номогенез, конечно, нельзя.

Взгляды мои *в значительной мере эклектичны*.

Естественный отбор я рассматриваю, вместе с С.-Д. Майвартом, как *совокупность разрушительных сил природы*.

От ламаркизма беру необходимость в большинстве случаев внешних стимулов для полноты экспликации идей биологических видов; от психоламаркизма – влияние психических факторов при испытаниях и ошибках.

Новейшие теории дали мне идею использования организмом приспособлений, возникших не на утилитарной основе.

Наконец, от А. Бергсона я взял идею творческой эволюции, которая, конечно, не противоречит преформации» [А.А. Любищев..., 1998, с. 116].

* * *

Размышлять на эволюционные темы А.А. Любищев продолжал и в дальнейшем.

К середине 1940-х его взгляды приобрели черты всеобъемлющего *платонистически-номотетического* эволюционного синтеза.

«Вселенная, – писал А.А. Любищев, – вспоминая идеи немецкого математика Г. Вейля, – не Хаос, но пронизанный числовыми закономерностями *Космос*.

Эволюция основана не на борьбе случайно возникающих изменений, а на *имманентном законе эволюции* и *наличии подобного сознанию творческого начала*.

Шаги к пониманию этого делали К.Э. фон Бэр, С. Майварт, А. Келлиker, С.И. Коржинский, Э. Коп, К.К. Шнейдер, А. Бергсон, Л.С. Берг, П. Тейяр де Шарден, О. Шиндевольф и другие ученые и мыслители» [Любищев, 1982, с. 196].

В своей переписке тех лет А.А. Любищев выражал свои мысли и более хлестко и полемично. Называл дарвинизм «теоретическим свинарником», по которому все в природе движется чисто скотскими размножением и борьбой за существование. Сравнивал ламаркизм с физкультурным залом. И лишь номогенез на идеалистической почве был для него «храмом истины, красоты и закона»⁶.

* * *

Но А.А. Любищев виртуозно владел не только «словесным мечом».

Мыслитель большой метафизической смелости, он был в то же время *логик* по складу ума. Стихией А.А. Любищева был анализ теорий.

При этом речь шла не только о логической связности основных понятий, аргументов и выводов, но и о логике как инструменте познания новых истин. Не разделяя логической метафизики Гегеля, А.А. Любищев полагал возможным использовать отточенный им *диалектический метод* формулировки антитез для «синтеза» более совершенных понятий и концепций [Любищев, 1969, с. 100].

При этом, в духе времени, он разделял идею диалектичности развития самой природы. Например, предлагал свести четыре установленных Д.Н. Соболевым закона эволюции (*наследственности, органического роста, обратимости и прерывности*) в один закон *диалектического развития организмов* [Любищев, 1982, с. 143].

Думается, такой взгляд вполне совместим с платонизмом, видящим в «экспликациях» материальных вещей и процессов проявление высшей (*идейной*) необходимости.

Исходя из «диалектической» предпосылки, А.А. Любищев сформулировал и представил в форме независимых друг от друга антитез, с одной стороны, представления об общем характере эволюционного процесса – например: *преформация – эпигенез, эволюция – революция* (или *сальтация*), *педогенез – геронтогенез*, а с другой, – представления о ведущих факторах эволюции, включая агенты «психоидного характера». Для этих факторов он выделил такие антитезы, как *автогенез (эндогенез) – эктогенез, мерогенез – хологенез, тихогенез – номогенез, телогенез – ателогенез*.

Сопоставляя антитезы, А.А. Любищев установил, например, что логически «номогенез мо-

жет комбинироваться с авто- и эктотелогенезом, механо- и психогенезом, меро- и хологенезом, тело- и ателогенезом [Любищев, 1969, с. 100].

Отсюда следовало, что так называемые *монистические* теории эволюции, приписывающие какой-то единственный характер эволюционному процессу и определяющую роль лишь одному фактору или факторам, односторонни и непродуктивны. Будущее – за *комбинационными (истинно синтетическими) теориями эволюции*, объединяющими, по крайней мере, несколько из перечисленных выше антитез.

При этом, по мнению А.А. Любищева, наиболее актуальным является синтез *тихо- и номогенеза*.

* * *

Культурная почва советской цивилизации с ее авторитарными тенденциями и идейным диктатом обрекла идеалистический эволюционизм А.А. Любищева на отторжение.

В 1931 году на 4-м Всероссийском съезде зоологов, анатомов и гистологов в Киеве А.А. Любищев еще мог прочитать свой программный доклад «Логические основания современных направлений биологии», где предложил реформировать биологию путем введения понятия «*формальной причинности*». И открыто объявлять себя *виталистом*. Но уже тогда под давлением Союза марксистов доклад А.А. Любищева не был опубликован и сопровождался альтернативным «марксистским» содокладом.

В течение дальнейших 32-х лет о публичном распространении в СССР идеалистических и виталистических взглядов не могло быть и речи.

Лишь в начале 1960-х, благодаря «оттепели» и сочувствию диссидентствующих интеллектуалов, А.А. Любищев смог опубликовать «Понятие сравнительной анатомии» и некоторые другие теоретические работы.

За время, протекшее после кончины А.А. Любищева, образовался своего рода *клан* (и даже не один!), пропагандирующий его идеи. Благодаря самоотверженным трудам «любощеведов», таких как С.В. Мейен, Ю.А. Шрейдер, Р.В. Наумов и Б.С. Шорников, работы А.А. Любищева издавались и продолжают издаваться и комментироваться. В Москве, Ленинграде, Ульяновске и Тольятти проведены десятки «Любищевских чтений».

Сейчас идеи А.А. Любищева доступны всем, кто хочет их освоить, – и в этом историческая заслуга плеяды хранителей и популяризаторов Любищевского наследия.

* * *

Сложнее обстоит дело с развитием концепций А.А. Любищева, в том числе в области эволюционной теории.

⁶ Переписка А.А. Любищева с Б.С. Кузиным. Рукопись. Цитируемое письмо датировано 1949 годом.

Среди крупных эволюционистов конца советской эпохи любичевские идеи развивал выдающийся отечественный палеоботаник С.В. Мейен (1935–1987).

В молодости он обменивался письмами с А.А. Любицевым, считал себя его учеником и сделал немало для распространения его идей. Одно время он даже видел в этой деятельности смысл своей жизни.

До кончины А.А. Любицева С.В. Мейен шел по его стопам.

В 1970 году в письме к А.А. Любицеву С.В. Мейен сформулировал план синкретической эволюционной системы, стоящей, по его выражению, на «трех китах»: всеобщей кристаллографии (структурных законах Вселенной), признании психических факторов, а также роли симбиоза и пола. Подражание А.А. Любицеву здесь очевидно.

Но этой системе не было суждено обрести плоть и кровь.

К 1972 году С.В. Мейен пришел к идее *рефренов* – законов преобразования морфологических структур и стал приверженцем системологических взглядов Ю.А. Урманцева. Но обсудить эти идеи с А.А. Любицевым уже не успел.

В начале 1973 года С.В. Мейен выступил на биоматематическом семинаре Ленинградского государственного университета с программным докладом на тему «Форма – система – эволюция» [Мейен, 2007б]. В нем он попытался соединить идеи А.А. Любицева и Урманцева, оставаясь на эмпирической почве и изгнав платонизм как «не вполне оправданное обобщение».

Вслед за А.А. Любицевым С.В. Мейен утверждал, что теоретическая биология – не древо с центральным эволюционным стволом, а величественная пирамида. Ее грани – теория формы, теория системы и теория эволюции.

При этом раздельное построение одной из этих теорий и даже любой пары из тройки просто немыслимо. Все три теории связаны неразрывно, и пока не будет преодолено отставание одной из них – теории формы, которая, подобно законам кристаллографии в мире твердых тел, является основной, нет смысла даже пытаться строить полные непротиворечивые теории системы и эволюции.

Однако пути к познанию органической формы виделись С.В. Мейену не в традиционном выявлении гомологий и архетипов. Особенно гомологий, связанных с исторической преемственностью частей, против чего выступал еще А.А. Любицев. По мнению С.В. Мейена, наиболее важные материалы к познанию законов формы дают заведомо негомифилетические сходства, такие как сходства спиралей моллюсков и простейших. Они позволяют установить *общие за-*

коны движения формы, позднее названные С.В. Мейеном *рефренами*.

Последовательные шаги в изучении органической формы мыслились С.В. Мейену следующим образом.

До сих пор, – подчеркивал он, – архетипы и синтетические типы выводились методом геометрического усреднения. Но эвристическая ценность таких конструкторов невелика. Настоящая номотетика, как ее мыслил А.А. Любицев, требует не только сжатого описания, но и возможности прогноза. Методом усреднения получается сжатое описание, да и то только части свойств. Еще хуже обстоит дело с прогнозом.

Поэтому более эвристичен другой подход. Строится *полиморфическое множество* на данной форме (например, данного органа) по наблюдаемым объектам.

Далее выявляется *закон преобразования формы* в пределах этого множества. Тогда можно не только интерполировать между известными членами множества, но и экстраполировать за его пределы. Тем самым можно установить *весь потенциальный полиморфизм данной формы*.

Следующий шаг – изучение сочетаний полиморфических множеств, построенных по разным частям. Сейчас, – подчеркивал С.В. Мейен, – неизвестна толком даже такая простая вещь, как соотношение закономерностей расчленения листа и жилкования. При этом из факта, что цельные, нерасчлененные листья могут иметь сетчатое жилкование, а могут иметь одну лишь среднюю жилку, следует несводимость этих закономерностей друг к другу.

Еще меньше известно о поведении полиморфических множеств в системе организмов. А это значит, что к наведению мостов от теории формы к теории системы почти не приступали.

Каков же итог?

Мы видим, – убеждал С.В. Мейен, – некоторое закономерное движение формы. Симметричным анализом, системными методами, путем выделения неких первичных элементов, выявления закона композиции и отношений единства (по терминологии Урманцева) можно построить все мыслимое разнообразие каждой формы (части, органа, плана строения и т.д.). На основе известного строится упорядоченная последовательность, которую можно экстраполировать сколь угодно далеко. При этом характер этой последовательности таков, что ее можно прикладывать и к онтогенезу, и к филогенезу, к разным метамерам одной особи, разным особям одного таксона, к членам разных таксонов. Это *закон движения формы вообще*, и не имеет значения, где происходит это движение: в истории, онтогенезе или

между соседними экземплярами в коллекционном лотке. Один и тот же переход от перистого листа к цельному и наоборот виден на одном стебле короставника и у разных представителей ископаемых голосеменных.

Изучение этих законов – прерогатива *сравнительной анатомии*. Переходя к закономерным сочетаниям разных полиморфических множеств, мы вступаем в область *номотетической систематики*, но еще не покидаем сравнительную анатомию. Мы начинаем строить сразу две грани пирамиды теории биологии. Чтобы сооружение не завалилось, со стороны третьей грани – *теории эволюции*, мы ставим временно подпорки из гипотез, рассчитывая, что постепенно мы будем узнавать законы движения форм и их сочетаний (т.е. таксонов) во времени.

Практические шаги по реализации этой программы можно найти в известной статье С.В. Мейена «Морфология растений в номотетическом аспекте», опубликованной в 1973 году «Botanical Review» [Мейен, 2007a]. Но дальнейших шагов в этом направлении он не предпринимал.

* * *

Развивал С.В. Мейен еще одну мысль А.А. Любищева – о диалектическом синтезе селекционизма с номогенезом.

По С.В. Мейену, они являются *взаимодополнительными доктринами*, отвечающими соотношению философских категорий необходимости и случайности.

Нужно лишь «подтесать» номогенез, дополнив его рассмотрением надорганизменных уровней организации, более рациональным анализом полиморфизма и представлениями о системной природе полиморфизма и параллелизма в духе общей теории систем Ю.А. Урманцева, о запретах как разновидности законов сохранения.

Аналогичной «подрезке» необходимо подвергнуть и селекционизм: избавить его от абсолютизации редуционизма и роли некоторых запретов, чрезмерного увлечения популяционистским стилем мышления и крайностей в критике организмоцентризма и типологии, от непонимания все той же системной природы полиморфизма и параллелизма.

Сделав это, легко свести обе теории в противоречивом синтезе.

Так рассуждал С.В. Мейен, но одно дело рассуждение, а другое – то, что получилось в действительности.

Представляется, в своем построении С.В. Мейен последовал не столько за логикой эволюционизма, сколько путем дипломатов, которым поставлена задача, во что бы то ни стало подпи-

сать соглашение между противными сторонами. В этих случаях документ максимально выхолащивается. Из проекта исключаются все действительно спорные, острые моменты. Противники делают «хорошую мину при плохой игре», а противоречие решается, как учил Карл Клаузевиц, «другими средствами».

В противостоянии селекционизма и номогенеза так, например, обстоит дело, прежде всего, с естественным отбором. Для селекционизма – это ведущий фактор создания органических форм, что отрицается номогенезом.

Для содержательных биологических теорий вряд ли приемлема в качестве основы абстрактная метафизика предложенного Ю.А. Урманцевым варианта общей теории систем, постулирующая системную природу полиморфизма и параллелизма.

Иными словами, в предложенном С.В. Мейеном «синтезе» селекционизма с номогенезом от идеи А.А. Любищева не осталось ничего или почти ничего.

* * *

Подводя итог, кратко остановлюсь на теоретическом значении и месте, которое занимает идеалистический эволюционизм А.А. Любищева среди эволюционных концепций.

С подачи некоторых своих ретивых поклонников, А.А. Любищев получил ярлык «еретика» и даже «ересиарха». Думается, такая оценка неверна, причем и по форме, и по существу.

В русском и не только языке слово «еретик» несет отрицательный оттенок. Еретик противостоит правоверным, тем, кто причастен к полноте соборной истины. Но можно ли утверждать, что селекционизм и его эпигоны ближе к истинному пониманию эволюции, чем их оппонент Александр Любищев? Конечно, нет!

К тому же еретик – хотя бы первоначально – адепт определенного учения, впоследствии уклонившийся от его ортодоксального течения. Неважно, идет ли речь о религиозной догме, философии, идеологии или науке. Однажды встав на путь самостоятельного мышления, А.А. Любищев *никогда* не «присягал на верность» селекционизму, а значит – не мог быть его еретиком-отщепенцем!

Хуже всего, что ярлык неблагонадежного «еретика» закрывает подлинного А.А. Любищева – выдающегося теоретика биологии и создателя *оригинальной концепции идеалистического эволюционизма*.

Эта концепция занимает особое место среди эволюционных построений, характеризующихся тесной связью с философией и признанием нематериальных факторов органического развития.

Эти учения разнообразны и не образуют единого течения мысли. К ним относятся, в том числе, известное учение Г. Дриша об *энтелехии*, кон-

цепции «идеальной системы» К.К. Шнейдера, учение о «морфэстезии» К. Нолля и многие другие незаслуженно отвергнутые концепции.

Литература

А.А. Любищев – А.Г. Гурвич: Диалог о биополе. – Ульяновск: Ульяновск. гос. пед. ун-т, 1998. – 208 с.

Александр Александрович Любищев: Творческий портрет. – Ульяновск: Симбирская книга, 2001. – 191 с.

Берг Л.С. Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей. – Пб., 1922. – VIII+306 с.

Берг Л.С. Закономерности в образовании форм у миног // Тр. III Всеросс. съезда зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде 14–20 декабря 1927 г. – Л.: Гл. упр. научн. изд., 1928. – С. 59–61.

Гурвич А.Г. Теория биологического поля. – М.: Сов. наука, 1944. – 156 с.

Любищев А.А. Понятие номогенеза // Тр. III Всеросс. съезда зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде 14–20 декабря 1927 г. – Л.: Гл. упр. научн. изд., 1928. – С. 42–43.

Любищев А.А. О классификации эволюционных теорий // Докл. МОИП. 1-я пол. 1967 г. – М.: Наука, 1969. – С. 100–101.

Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. – М.: Наука, 1982. – 278 с.

Любищев А.А. Мысли о многом. – Ульяновск: Ульяновск. гос. пед. ун-т, 1997. – 272 с.

Мейен С.В. Морфология растений в номотетическом аспекте // In *memoriam*. С.В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. – М.: ГЕОС, 2007а. – С. 162–222.

Мейен С.В. Форма – система – эволюция // In *memoriam*. С.В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. – М.: ГЕОС, 2007б. – С. 156–161.

Проблемы систематики и классификации в переписке А.А. Любищева и Б.С. Кузина // Теория и методология биологических классификаций. – М.: Наука, 1983. – С. 141–168.

Schneider K.C. Versuch einer Bergruendung der Deszendenztheorie. – Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1908. – 132 S.

Schneider K.C. Einfueerung in die Deszendenztheorie: Fuenfunddreissig Vortraege. 2 Auf., erw. – Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1911. – 387 S.